

Заживо обоготворенный.

Лэфкадіо Хёрнъ *).

Съ незапамятныхъ временъ берега Японіи заливались въ разные промежутки, иногда черезъ нѣсколько столѣтій, чудовищными приливами, вызываемыми землетрясеніемъ или дѣйствіемъ подводныхъ вулканическихъ силъ. Это ужасающее внезапное поднятіе моря называется японцами *tsunami*. Послѣднее изъ такихъ поднятій произошло вечеромъ 17 іюня 1896 г., когда волна—длиною почти въ 200 миль—ударилась о сѣверо-восточный берегъ, затопила провинціи Міячи, Иватэ и Аомори, разрушила множество городовъ и деревень, разорила цѣлые округа и уничтожила около 30.000 человѣческихъ жизней. Исторія Іамагуши Гохеи представляетъ собой исторію какъ разъ такого бѣдствія, случившагося много ранѣе эры Менджи, въ другой части японскаго побережья.

Онъ былъ уже старымъ человѣкомъ во время катастрофы, сдѣлавшей его знаменитымъ. Онъ былъ самымъ вліятельнымъ жителемъ своей деревни и въ теченіе многихъ лѣтъ избирался на должность ея головы, *muraosa*, и былъ онъ столько же любимъ, какъ и уважаемъ. Народъ называлъ его обыкновенно *Ojūsan*, что означаетъ дѣдушка; но такъ какъ онъ былъ самымъ богатымъ членомъ общества, его иногда называли официальнымъ именемъ *Choja*. Онъ имѣлъ обыкновеніе давать полезные совѣты своимъ односельчанамъ, мелкимъ фермерамъ, разрѣшать ихъ споры, ссужать ихъ въ нуждѣ деньгами и устраивать для нихъ сдѣлки по продажѣ риса на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Большая ферма Іамагуши, построенная изъ тростника, стояла на окраинѣ небольшой возвышенности, съ которой открывался свободный видъ на заливъ. Возвышенность, покрытая главнымъ

*) Отрывокъ изъ книги Л. Хёрна „Gleanings in Buddha-Fields“.

образомъ рисовыми плантаціями, была съ трехъ сторонъ окаймлена покрытыми густымъ лѣсомъ холмами. Съ открытой своей стороны она спускалась огромной зеленой выемкой, словно нарочно выкопанной, до самаго берега моря; и весь этотъ скатъ, длиною въ три четверти мили, если глядѣть на него съ открытаго моря, имѣлъ видъ огромной лѣстницы съ зелеными ступенями, раздѣленными по самой серединѣ узкимъ бѣлымъ зигзагомъ—дорогой, ведущей съ морского берега на вершину. Девяносто камышевыхъ хижинъ и храмъ Шинто, которые составляли всю деревню, были расположены на берегу круглой бухты; остальные дома лѣпились по скату, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, которая вела къ дому Іамагуши.

Въ одинъ осенній вечеръ Іамагуши Гохеи смотрѣлъ съ балкона своего дома на приготовленія дѣлавшіяся внизу, въ деревнѣ, къ сельскому празднику. Былъ собранъ большой урожай риса и крестьяне собирались отпраздновать удачную жатву танцами во внутреннемъ дворѣ храма *Ujigami* *). Старый человѣкъ могъ видѣть съ своего балкона праздничныя знамена, развѣвавшіяся надъ крышами хижинъ, ряды бумажныхъ фонарей, спускавшіеся фестонами между бамбуковыми шестами, праздничныя украшенія на храмѣ и нарядно разодѣтую толпу молодежи. Въ этотъ вечеръ съ нимъ не было никого, кромѣ его маленькаго внука, мальчика лѣтъ десяти; остальные домочадцы уже давно отправились въ деревню. И онъ отправился бы съ ними, если бы не почувствовалъ себя въ этотъ день слабѣе обыкновеннаго.

Жара въ этотъ день была гнетущая и, несмотря на поднимавшійся время отъ времени вѣтерокъ, въ воздухѣ повисъ тотъ особый, тяжелый зной, который, по наблюденіямъ японскихъ крестьянъ, всегда предшествуетъ землетрясенію. И дѣйствительно, произошло землетрясеніе. Оно было не достаточно сильно, чтобы испугать народъ, но Іамагуши, который на своемъ вѣку пережилъ не менѣе сотни землетрясеній, подумалъ что на этотъ разъ было что то странное—движеніе было слишкомъ длинное и черезчуръ медленное. Можетъ быть, это былъ лишь отголосокъ какого нибудь огромнаго подземнаго взрыва, происшедшаго гдѣ нибудь очень далеко. Домъ затрещалъ и тихо покачнулся нѣсколько разъ; затѣмъ все снова затихло.

Когда колебаніе прекратилось, старые проницательные глаза Іамагуши устремились съ выраженіемъ тревоги на деревню. Бы-

---

*Приходскій храмъ Шинто.

ваает нерѣдко, что вниманіе человѣка, пристально глядящаго на одну опредѣленную точку, внезапно отвлекается какимъ то неопредѣленнымъ чувствомъ, что видишь нѣчто помимо этой точки, смутнымъ ощущеніемъ чего то необычайнаго въ томъ неясномъ кругѣ воспріятія, который лежитъ за полемъ яснаго зрѣнія. Такимъ образомъ случилось, что Іамагуши замѣтилъ нѣчто необычайное, творящееся на морской поверхности. Онъ всталъ на ноги и началъ пристально смотрѣть въ море. Оно какъ то слишкомъ внезапно потемнѣло и съ нимъ происходило что то странное. Казалось, что оно двигается противъ вѣтра. *Море отливало отъ земли.*

Черезъ короткое время вся деревня замѣтила странное явленіе. Повидимому внизу никто не почувствовалъ сотрясенія почвы, но всѣ видимо дивились движенію воды. Многіе побѣжали на самый берегъ и даже далѣе, двигаясь за убѣгающей волной, чтобы поближе посмотреть на необыкновенное явленіе, Никогда такого отлива не видано было на этомъ берегу, съ тѣхъ поръ какъ люди поселились здѣсь.

Невиданныя вещи начали возникать передъ взорами наблюдающихъ. Никогда не открывавшіяся до тѣхъ поръ пространства серебристаго песка и опутанныхъ морскими травами скалъ, быстро обнажались передъ взоромъ Іамагуши. И никто изъ собравшагося внизу народа, очевидно, не угадывалъ, *что* означаетъ этотъ чудовищный отливъ.

Іамагуши Гохеи и самъ никогда не видалъ ничего подобнаго; но онъ вспомнилъ рассказы, слышанные имъ въ дѣтствѣ отъ стараго дѣда, который зналъ всѣ преданія береговой страны. Онъ понялъ, *что* намѣревается сдѣлать море. Можетъ быть, онъ подумалъ о времени, необходимомъ для того, чтобы послать вѣсть въ деревню или къ священнику буддійскаго храма на холмѣ, чтобы онъ зазвонилъ въ большой колоколъ... Но рассказывать, что онъ могъ подумать, возьметъ гораздо больше времени, чѣмъ это потребовалось для его мысли. Онъ подумалъ и крикнулъ своему внуку: „Тада! скорѣй, какъ можно скорѣй!.. Зажги мнѣ факель!“

Таиматсу или сосновые факелы находятся въ большинствѣ приморскихъ жилищъ для зажиганія сигнальныхъ знаковъ во время бурныхъ ночей, а также и для употребленія во время извѣстныхъ религіозныхъ празднествъ Шинто. Мальчикъ немедленно зажегъ факель, а старый Іамагуши поспѣшилъ съ нимъ на свои поля, гдѣ сотни рисовыхъ скирдовъ, которые предста-

вляли все его богатство, стояли въ ожиданіи перевозки съ поля. Подойдя къ тѣмъ скирдамъ, которые находились ближе къ склону, онъ началъ ихъ зажигать факеломъ, спѣша отъ одного къ другому такъ скоро, какъ только позволяли его старые ноги. Высушенные солнцемъ стебли загорались какъ трутъ, усилившейся морской вѣтеръ раздувалъ пламя по направленію земли и вскорѣ—рядъ за рядомъ—скирды запылали, выбрасывая къ небу столбы дыма, которые, поднявшись на высоту, соединялись въ огромный сѣрый вихрь. Тада, удивленный и перепуганный, бѣжалъ за своимъ дѣдомъ крича:

— „Оджиизанъ! Зачѣмъ? Оджиизанъ! Зачѣмъ?.. зачѣмъ?..“

Но Іамагуши не отвѣчалъ; у него не было времени для объясненія; онъ думалъ только о четырехстахъ жизняхъ, которыя находились въ смертельной опасности. Нѣкоторое время мальчикъ тарашилъ испуганные глаза на пылающіе скирды; затѣмъ онъ залился слезами и побѣжалъ назадъ къ дому, увѣренный, что его дѣдъ сошелъ съ ума. А Іамагуши переходилъ отъ скирда къ скирду, поджигая ихъ всѣ подрядъ, пока не достигъ границы своего поля; послѣ этого онъ бросилъ на землю факелъ и началъ ждать. Аколить *) при храмѣ, замѣтивъ пламя, принялся звонить въ большой колоколъ и народъ немедленно отвѣтилъ на тревожный призывъ **). Іамагуши наблюдалъ, какъ они поспѣшно покинули пески, перебѣжали береговую линію и направились въ деревню подобно муравьиной рати и, какъ казалось его встревоженному сердцу, двигались не быстрѣе муравьевъ. Всѣ послѣдующіе моменты тянулись ужасающе медленно для него. Солнце садилось; морщинистое ложе залива и обширное, желтоватое испещренное пространство за бухтой, лежало обнаженное и загорѣвшееся подъ оранжевымъ огнемъ заката; а море все еще продолжало мчаться по направленію къ горизонту.

На самомъ дѣлѣ, Іамагуши пришлось ждать не очень долго, пока появилась первая партія, проворная толпа деревенскихъ юношей, поспѣшившихъ впереди другихъ на борьбу съ пожаромъ. Но Чойіа, протянувъ обѣ руки, остановилъ ихъ.

*) Церковный прислужникъ.

***) Въ японскихъ деревняхъ обычаи, освященные вѣковымъ опытомъ, имѣютъ силу закона; къ такимъ обычаямъ принадлежитъ дружная взаимопомощь во время различныхъ бѣдствій; такъ, во время пожаровъ, *всѣ* жители безъ исключенія, и старые и малые, обязаны оказывать помощь по мѣрѣ силъ. На этомъ обычаѣ, свято выполняемомъ, основанъ весь рассказъ, передающій истинное происшествіе.

„Пускай горить, ребята,—скомандовалъ онъ,—бросьте! Нужно, чтобы вся *мура* собралась около меня. Настала великая опасность—*taihen da!*“

Собралась вся деревня и Іамагуши пересчиталъ всѣхъ. Прежде всѣхъ появились молодые люди и мальчики и не малое число наиболѣе подвижныхъ женщинъ и дѣвушекъ; затѣмъ подошли наиболѣе старые и матери со своими младенцами за спиной и маленькія дѣти, ибо и дѣти могли помогать, передавая воду; а старики, слишкомъ слабые, чтобы поспѣть за передовыми, спѣшили позади, поднимаясь по крутому склону. Растущая толпа, все еще ничего не понимавшая, смотрѣла поочередно то на пылающее поле, то на застывшее лицо своего Чойіа. Въ это время солнце скрылось за горизонтомъ.

„Дѣдъ сошелъ съ ума! Я боюсь его!..“ — рыдалъ Тада въ отвѣтъ на многочисленные вопросы. — „Онъ вправду сошелъ съ ума! Онъ умышленно поджигалъ скирды... я самъ видѣлъ!“

„Мальчикъ говоритъ правду,—закричалъ Іамагуши,—я поджегъ рисъ... всѣ ли собрались?“

Всѣ главы семей осмотрѣлись кругомъ, взглянули внизъ на дорогу, ведущую къ холму, и отвѣтили: „всѣ здѣсь, или скоро будутъ всѣ... но мы ничего не можемъ понять“.

„Море!“—закричалъ старый человѣкъ во всю мочь, указывая на морскую даль.—„Говорите теперь, что я сошелъ съ ума!“

Всѣ взглянули на востокъ и увидали сквозь сгущающіяся сумерки на мрачномъ горизонтѣ длинную, тонкую, тусклую линію, подобную тѣни отъ берега, гдѣ никакого берега не было,—линію, которая увеличивалась по мѣрѣ того, какъ они смотрѣли на нее, ширилась какъ ширится береговая линія для глазъ приближающагося къ ней, но—безконечно быстрее. Эта темная линія была ничто иное, какъ возвращающееся море, вздымавшееся какъ высокія горы, или какъ несущійся съ ужасающей быстротой необъятный утесъ, съ болѣею быстротой, чѣмъ летитъ самая быстрая птица.

„*Tsunami!*“ кричалъ народъ, а затѣмъ всѣ крики и всѣ звуки, и самая возможность слышать звуки поглотилась небывалымъ по силѣ ударомъ, сильнѣе всякаго грома, когда колоссальная водяная гора ударилась о берегъ съ такой тяжестью, которая заставила содрогнуться всѣ прибрежные холмы.

Затѣмъ, въ теченіе минуты не было видно ничего кромѣ бури брызгъ, несшихся на верхъ холма, подобно огромному облаку; и народъ бросился назадъ вразсыпную въ паникѣ, какъ бы отбро-

шенный этой нѣмой угрозой. Когда они рѣшились взглянуть снова — передъ ними разстилалась клокочущая и бушующая поверхность моря, страшныя водовороты, клоки пѣны, яростныя волны — и весь этотъ ужасъ неистовствовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стояли ихъ дома. Вслѣдъ за тѣмъ, водяная гора отступила назадъ съ страшнымъ ревомъ, вырывая на своемъ пути большіе куски почвы. Дважды, трижды, и еще, и еще разъ море набрасывалось на землю и уносилось назадъ, но каждый разъ его ярость ослабѣвала; затѣмъ оно возвратилось въ свое прежнее ложе и остановилось, все еще бушуя, какъ послѣ тифона.

На высокой площадкѣ, гдѣ собрались перепуганные люди, долго никто не произносилъ ни слова. Всѣ безмолвно смотрѣли на опустошеніе внизу, на страшную картину разбитыхъ скалъ, разверстыхъ утесовъ, на развороченное пространство бывшей деревни и храма, съ разрушенными домами, опутанными огромными морскими водорослями и заваленными круглыми валунами. Деревни болѣе не существовало; на мѣстѣ полей была, какъ бы изрытая и заваленная морскими отбросами, зіяющая рана; и даже выше расположенныя террасы перестали существовать, а отъ всѣхъ домовъ, стоявшихъ вокругъ бухты, не осталось ничего, кромѣ двухъ соломенныхъ крышъ, бросаемыхъ морскими волнами туда и сюда.

Ужасъ только что избѣгнутой смерти и оцѣпенѣніе при видѣ погибшаго имущества наложили на всѣ уста печать молчанія; первымъ раздался голосъ Іамагуши, который мягко сказалъ:

„Вотъ почему я зажегъ скирды риса“.

Онъ, ихъ Чойіа, стоялъ теперь между ними почти столь же бѣдный, какъ и бѣднѣйшій изъ нихъ, ибо его богатство ушло, но за то его жертва спасла четыреста жизней. Маленькій Тада прибѣжалъ къ нему, схватилъ его руку и сталъ просить прощенія за то, что подумалъ о немъ такъ дурно. Послѣ этого весь народъ понялъ вполне ясно, почему всѣ они остались въ живыхъ и всѣ начали дивиться тому простому, безкорыстному предвидѣнію, которое спасло ихъ всѣхъ; и старые люди поклонились до земли передъ Іамагуши Гохеи и весь народъ палъ ницъ передъ нимъ.

Видя это, старый человекъ заплакалъ, отчасти отъ того, что сильно радовался, отчасти благодаря тому, что былъ старъ и слабъ и пережилъ сильное испытаніе.

„Мой домъ сохранился“, — сказалъ онъ, когда нашелъ въ себѣ силу заговорить, ласково глядя смуглыя щеки Тада. — „Въ

немъ найдется мѣсто для многихъ. И храмъ на холмѣ сохранился, въ немъ найдутъ пріютъ остальные“.

Затѣмъ онъ пригласилъ всѣхъ слѣдовать за нимъ, къ его дому; народъ сопровождалъ его криками благодарности.

Бѣдственный періодъ длился долго, потому что въ тѣ времена не было удобныхъ сообщеній между разными областями, а помощь, которая была необходима, присылалась издалека. Но когда пришли лучшія времена, народъ не позабылъ своей благодарности къ Іамагуши Гохеи. Они не могли сдѣлать его богатымъ; да и онъ не согласился бы, если бы это было возможно. Кромѣ того, никакіе дары не могли выразить ихъ благоговѣйныхъ чувствъ, ибо они были увѣрены, что въ немъ живетъ божественный духъ. И они объявили его богомъ и прибавили къ его имени Іамагуши имя *Daimyōjin*, думая, что большей почести они не могли оказать ему. И дѣйствительно, большей почести не могла оказать ни одна страна смертному человѣку. И когда они вновь построили деревню, они возвели храмъ въ честь его духа и прикрѣпили надъ дверью храма таблицу, на которой его имя было написано золотыми китайскими буквами; и они поклонялись ему въ этомъ храмѣ съ молитвами и приношеніями.

Какъ онъ относился къ этому—не могу сказать. Знаю только, что онъ продолжалъ жить въ своемъ старомъ тростниковомъ домѣ, на верху холма, со своими дѣтьми и съ дѣтьми своихъ дѣтей, также просто и гуманно, какъ и до тѣхъ поръ, въ то время какъ духу его поклонялись въ святилищѣ, построенномъ внизу. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ онъ умеръ, но храмъ въ его честь стоитъ и до сихъ поръ, и народъ продолжаетъ молиться духу стараго добраго фермера, прося его помощи въ минуты нужды или опасности.

Пер. съ англійскаго Е. П.

Память о томъ, что въ человѣкѣ живетъ Богъ, сильнѣе всего удерживаетъ человѣка отъ зла и помогаетъ дѣлать доброе.

Изъ Круга Чтенія Л. Толстого.

